

Поэтическое ристалище

Продолжение. Начало читайте в № 5.

Косматым звёздам не до нас —
Опять светила были чёрствы,
Когда столбили про запас
Утрат безвременные вёрсты.
На путеводные огни
Ориентироваться сложно,
Спешат подмигивать они,
Вдали скрываясь, как нарочно.
У них коронная игра
В застенках призрачной свободы,
А значит, всё ж понять пора,
Что мы зависим от погоды.
На сквозняках всего важней
В никчёмной мгле не заблудиться,
Ведь в стуже уличных теней
Уютней кажется темница!

Многие начинающие авторы любого возраста настойчиво просят поделиться воспоминаниями. Попробую хотя бы отчасти удовлетворить спрос на откровенность, благо и подходящий повод искать не пришлось. Материалы «Поэтического ристалища» предоставляют великолепную возможность наглядно проиллюстрировать некоторые моменты повествования и попутно разобрать недочёты пытливых сочинителей.

Признаться, я люблю экспериментировать. Меня и поныне иногда сгоряча «заносит в заумь», но выручает внутренний самоконтроль. Кроме того, есть чрезвычайно строгие «старшие товарищи», которым безоговорочно доверяю. При необходимости, они, не стесняясь, прямо в глаза «рубят правду-матку». Несомненно, это мне идёт на пользу. Слава Всевышнему, прислушиваться к чужому компетентному мнению не разучился! Впрочем, я и в пору поэтического ученичества был к себе достаточно требователен, равняясь на выдающихся предшественников.

Помнится, тяжелораненый Эдуард Асадов уже между операциями упорно пытался сочинять стихи, а чтобы беспристрастно оценить их уровень, решил послать рукопись наиболее требовательному критику тех лет. Несмотря на закономерную занятость, Корней Чуковский откликнулся на удивление быстро. В подробном личном письме кумир детей и по совместительству авторитетный литературовед, сделав конкретные замечания, дал ряд полезных советов, а в заключение пожелал ослепшему фронтовику с перспективными задатками успехов на новом поприще. «Госпитальный узник» был благодарен мэтру за своевременную поддержку. Впоследствии ультрамодный гастролёр в своих мемуарах и на встречах с читателями частенько с удовольствием рассказывал об этом ключевом эпизоде карьерного становления.

В юности мне тоже довелось стоять на подобном репуте. Опираясь на опыт недужного предшественника, я по-ребячески нахально обратился прямо к непревзойдённому ведущему культовой телевизионной программы «Вокруг смеха», имевшей бешеный успех в нашей самой читающей стране мира. Следует подчеркнуть, что в конце семидесятых годов прошлого века легендарный Александр Иванов был грозой всех графоманов и посредственных рифмоплётов. Нередко доставалось и солидным флагманам советской литературы. Громкие имена и объёмные тиражи неприкосновенность им не гарантировали. Художественные обработки малограмотных ляпов или «манерных завихрений» любого «современного классика» рисковали попасть в репертуар беспощадного сатирика.

Понятно, что для меня и моей мамы стало приятным сюрпризом приглашение посетить квартиру язвительно-го корифея. За чаем с заурядными сушками он за полтора часа по косточкам разобрал мои ещё немногочисленные и довольно примитивные опусы с явным налётом подражательности, а на прощание посоветовал поменьше увлекаться экспериментальной юмористикой, которой я тогда грешил. Впрочем, вьедливый хозяин всё-таки заметил во мне слабые проблески дарования и на прощание снисходительно предложил сосредоточиться на традиционной лирике, занимавшей в моей тогдашней «многожанровой пересортице» совсем скромное место.

Я поверил маститому эксперту и больше не писал пародий, да и басен в персональном послужном списке совсем немного. Вообще, из полутысячи моих тогдашних «робких пробников» на сегодня издано менее трёх процентов, хотя некоторые из них в дальнейшем послужили фундаментом вполне зрелых циклов. С тех пор исповедую незыблемые принципы бескомпромиссной борьбы за проникновенную содержательность и чистоту русской словесности! Наверное, они далеко не всех устраивают, но меняться мне уже поздновато и вроде бы незачем. Разумеется, на практике получается по-всякому, однако стараюсь строго придерживаться правила: лучше меньше, да лучше!

Однако, как ни странно, моя приверженность эталонам «изысканной старины» получила внезапный отклик в ярком выступлении представителя хозяев площадки. Дело в том, что первый заместитель генерального директора «Культурно-спортивного реабилитационного комплекса ВОС» Андрей Владимирович Мочалин, приветствуя преданных поклонников капризных муз, собравшихся на открытии очного финала, трогательно продекламировал, по сути, «поминальную оду» Николаю Гумилёву, оставившему неизгладимый след в русской поэзии.

Надо заметить, что собрат по перу в качестве эпиграфа использовал дорогие мне строчки: «В мой мир стучатся голоса Серебряного века...» Конечно, для публики, да и для меня тоже, такое своеобразное цити-

рование моего давнего сочинения стало полной неожиданностью. Ну, а взволнованное описание трагической судьбы уникального первопроходца оказалось очень своевременным в преддверии состязания нынешних литераторов. По-видимому, оно должно было их подстегнуть и стимулировать дерзновенные поиски нестандартных решений. Вот этот почти хроникальный реквием в стихах под названием «Мастер»:

«Жизнь прожита — короткая, как выстрел
Расстрельного чекистского нагана,
Он мог бы жить, но даже не помыслил
Продаться и продать, и потому так рано
Оставил разноцветный этот мир,
В котором так его отчаянно любили,
А Он охотился, сражался и любил
Послушать рёв ночных зверей в пустыне...
И величайшая склонялась перед ним,
Свою гордыню утопив в любви,
А Он был с нею — но всегда один,
И океанские большие корабли
Несли его навстречу дальним далям...
Гром пушек, сабель лязг, звериный вой,
Хмель жарких битв, дурман скитаний,
И только там он был самим собой...
А в час, когда Он этот мир оставил,
Грехи чужие смыл горячей кровью,
Оруженосцы в голос зарыдали —
Там, в абиссинских красных плоскогорьях...»

Как обычно, вместе с заявкой на участие в турнире нужно было представить композицию авторской лирики, а кроме того, создать рифмованное произведение, отражающее особо волнительное происшествие недавних месяцев. На этот раз готовые задания в аудиоформате mp3 предстояло дополнить плоскочечатным вариантом. Только вот с полдюжины конкурсантов при выполнении эксклюзивной обязательки почему-то предпочли попрактиковаться в прозе. Разумеется, потуги этих закоренелых нарушителей правил даже и не рассматривались.

Естественно, слуховое восприятие экспрессивных болельщиков и друзей-соперников сильно отличается от редакторского чтения, когда, готовя материал в печать, поневоле приходится прибегать и к «побуквенной коррекции». При этом иной раз выявляется умопомрачительная орфография отдельных «грамотеев». Дорогие соратники, имейте в виду, что ваши перлы обычно тестируются с помощью нескольких органов чувств.

Наверное, вину за появление вопиющих ошибок раньше можно было бы свалить на недобросовестного переписчика, но ведь подавляющее большинство нынешних трудолюбивых интеллигентов собственноручно заносят свои сочинения в компьютер, а он ненавязчиво указывает на элементарные промахи, включая опечатки. В крайнем случае, сохраняется возможность обратиться за содействием к матёрому секретарю местной организации ВОС, компетентному сотруднику специальной библиотеки или просто школьному отличнику.

Для наглядности продемонстрирую пару строк из конкурсного архива: «Хочет мчаться ветер в скач. Он срывает бурно крыши...» Именно так: наречие — отдельно и без мягкого знака и существительное с буквой «ы» после шипящей. Так что падение уровня правописания налицо!

Важнейшим критерием анализа является соответствие содержания актуальной тематике, определённой положением. Однако архангелогородка Надежда Нельзикова, регулярно публикуемая в нашем журнале, предпочла выдать «звериный монолог». Хотя абсолютно лишний звукоподражательный элемент подпортил «хвост» обращения к людям, в целом, оно сделано достаточно хорошо. Несомненно, подобный «миленький пустячок» стал бы гвоздём программы праздничного вечера или концерта художественной самодеятельности, но его смысловое наполнение совершенно не вписывается в предложенные рамки, о чём и свидетельствует оригинальный текст:

«Я пришёл к вам год назад,
Полосат, хвостат, усат.
Вы меня, конечно, ждали,
Только думали едва ли,
Что характер мой такой —
Боевой и грозовой.
Да, люблю я порычать,
Лето жаркое встречать,
В быстрой речке поплескаться

И побегать, и подраться,
А немного погодя,
Сны смотреть под шум дождя.
Но промчался этот год.
Что-то новое вас ждёт...
Я ж мурлыкну на прощанье,
Подарю вам пожеланье
И здоровья, и добра,
Свежей рыбки серебра,
Спелых фруктов золотишка,
Чтоб всё было, но не слишком,
А веселья — чересчур!
Ну, пока. PPP. В общем, муррр!»

Вполне ожидаемо, даже среди заведомых экспромтов частенько встречались отличные «зачётные работы» с потрясающей детализацией исповедального повествования. Некоторым самобытным виртуозам как раз искренность и позволила добиться просто-таки молитвенной проникновенности. Очень порадовало, что, кроме харизматичного Бориса Зверева, негласно признанного «Есениным Тверской земли», престижное второе место завоевала и дебютантка данного турнира Лариса Саевич, пока ещё представлявшая Курскую региональную организацию ВОС. Наряду с ними идентичной награды удостоена и крымчанка Виктория Бондарева. Её-то чрезвычайно выразительный в своей пронзительности русскоязычный «эюд с натуры» и хочу предложить нашим читателям:

«Земные сдвинулись пласты —
Загадочно и непреклонно.
Тревожно. Улицы пусты.
Эвакуация Херсона.
Не распознать чужой души.
Всё непонятно, всё непросто.
Молчат в испуге малыши,
И плачут кошки в переносках.
И хоть понятно, чья вина,
Но по живому не отрубишь.
Старик бутылки для вина
Везёт: «Теперь таких не купишь!»
В Россию крепко верит дед,
Он верит: в дом родной вернётся —
Ни капельки сомненья нет.
Созреет виноград под солнцем.
И дочке нового вина
Плеснёт старик на дно фужера...
Ах, как нам всем сейчас нужна
Такая искренняя вера!»

В отличие от старательных соратников Елизавета Романова из Краснодара не слишком задумывалась над своей «визитной карточкой» и назвала её попросту «2022». Приведу лишь пять запоминающихся строк из этого творения, причём именно в том виде, какой дошёл до меня:

«Цифра двадцать.
Двадцать два

Позади осталась, все же,
Мы запомним на века,
Как страну любить нам должно...»

Не скрою, меня озадачило загадочное «расширение» бывшего четверостишия за счёт жестокого «распиливания» даты, да и странноватое употребление термина «цифра». О рифмовке, а также пренебрежительном отношении к букве «ё» и говорить нечего! Зато в песне «Пой, ветер» наряду с очень агрессивным припевом есть и куплет с изумительной звукописью, что вызывает истинный восторг! Значит, словесница на самом деле прекрасно владеет ремеслом, но постоянно сбивается с классического курса. Хочу представить вниманию почтеннейшей публики воистину неординарные фрагменты:

«Слышишь этот шорох,
Шёпот листьев и травы?
Это ветер шутит в шторах,
Это отзвуки войны...
Вей, ветер, вей! Бей окна, бей!
Бей окна, бей по всей земле...»

Кстати, в творческой биографии поэтессы с типично королевским именем и очень царственной фамилией в качестве главных движущих сил развития указаны: «Любовь к чтению и склонность к вдумчивому осмыслению художественного текста...». Не исключено, что как раз поэтому в значимом разговоре «Летней ночью» ею применена онегинская строфа с намёком на пушкинские

ассоциации. Правда, гениальный размер, так же как и чрезвычайно строгий сонет, не выносит технических повторов и необоснованных добавлений с зависанием парочки неприкаянных строчек. Это подтверждает первоисточник:

«Полусон, полубред. Оглянись!
Никого рядом нет. Только высь
Без конца и без края легла —
Редкозвёздная вечная мгла.
Духота растворила в себе
Кислород и движенье в ночи.
Запустенье настало в судьбе,
И лишь слышно цикада кричит.
Ожиданье неслышно вошло.
Улыбнувшись, присело со мной.
«Что, — спросило, — не скучно одной?
Мне письмо от тебя не пришло.
Посижу, чтоб напомнить тебе,
Всё не зря в человеческой судьбе».
Полусон, полубред. Оглянись!
Никого рядом нет. Только высь
Без конца и без края легла,
Редкозвёздная вечная мгла...»

Признаться, на самой заре моего погружения в глубины хитросплетений слов у меня тоже случилось «классическое недоразумение». Тогда я активно посещал литературное объединение, бурные дискуссии которого проходили в клубе меховой фабрики. Придир-

чивым наставником наивных любителей был ещё совсем юный, но уже знаменитый лирик Николай Дмитриев. Однажды, выполняя очередное «школярское упражнение», мне довелось непринужденно срифмовать: «я» и «моя». За что торопыга и был прилюдно подвергнут осмеянию, но не растерялся и запальчиво сослался на соответствующие примеры из наследия Пушкина. В ответ привилегированный апологет Издательства «Молодая гвардия» решительно возразил: «Чтобы так небрежничать, сначала стань хотя бы на четверть Александром Сергеевичем, а пока изволь искать собственную манеру и в поте лица своего работать над техникой стиха!»

Занятно, что все обладательницы третьих премий согласно базовому образованию или по характеру основной деятельности ныне напрямую связаны с филологией. Посланица Кубани, выбравшая многообещающий псевдоним Лада, является учительницей русского языка и литературы; москвичка Людмила Лункина редактирует книги на ИПТК «Логосвос», а Ирина Саблина, которая заявила под выразительным псевдонимом Рина Искрина, из «кружевного и сливочного края» работает с авторами в издательстве «Родники».

Увы, нервная обстановка постоянного цейтнота не позволила остальным конкурсантам проявить свои лучшие качества. Недаром «Мастерская стихосложения», как и прежде, страшила своей непредсказуемой изощрённостью. За чертой призёров, в частности, ос-

талась опытная Галина Макарова из щедрой на таланты Вологодчины, так же как и довольно известная интеллектуалка Светлана Медведева из Ивановской области, куда она вместе со всей семьёй недавно переехала из Одессы. На «испытательном полигоне словесности» малость не повезло и мужскому контингенту, в том числе Виктору Горбунову из Тюмени. Не всегда убедительным импровизатором оказался Андрей Удовенко из Санкт-Петербурга. Относительно неудачно выступил и Павел Синёв, который является действующим председателем Люберецкой МО Московской областной организации Всероссийского общества слепых. Тем не менее, все пятеро участников очного финала, итоговые результаты которых замкнули турнирную таблицу, заслуженно получили поощрительные премии.

Ежели ориентироваться исключительно на мои предварительные намётки, то в «элитной обойме» незрячих рапсодов да менестрелей обнаружатся даже отдельные представители третьей десятки соискателей. Впрочем, данный казус легко объяснить вынужденным дефицитом времени на достойные сборы десанта в столицу, сложностями внепланового финансирования или отсутствием подходящих билетов. Естественно, коварная пандемия тоже внесла свои коррективы. К огромному сожалению, так и не приехали Марина и Алексей Пижонковы из Татарстана. После болезни они не успели восстановиться и набрать должную форму, а ведь именно эти уникальные универсалы наверняка

составили бы конкуренцию лидерам. К тому же в отборную дюжину не включили Олега Подобедова, потому что превосходная подборка самарского скальда, посвящённая тяготам Ленинградской блокады, уже участвовала в аналогичном смотре талантов и даже была опубликована в нашем журнале.

Надеюсь, что мой мини-ликбез по практическому применению элементарных законов стихосложения поможет товарищам по несчастью лучше подготовиться к очередным рыцарским баталиям пишущей братии и вызовет желание высказаться по существу данного вопроса. Думаю, «Дискуссионный клуб» журнала «Наша жизнь» является вполне подходящей площадкой для этого диспута. С нетерпением жду конструктивных предложений или хотя бы аргументированных возражений.

Искатель истин осуждён

На горечь бывшего почёта,

Зато с лихвой вознаграждён

Густыми запахами пота.

У неурочных перемен

Обычно следствия жестоки,

А для вставания с колен

Есть лишь упущенные сроки.

Рутиной встреч по горло сыт,

Мечта реальностью распята.

Кредит доверия закрыт,

И приближается расплата

За зря повырубленный лес,
Преобразованный в бумагу.
Ну нет! С тоской наперевес
Назад не сделаю ни шагу!

Владимир Бухтияров

Окончание следует.